

С. И. Радциг

КИЛОНОВА СМУТА В АФИНАХ

(ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В АТТИКЕ)

РАННЯЯ история греческих городов-государств мало известна. Тем больший интерес представляет сравнительно хорошо удостоверенный факт тиранической попытки Килона, которая в течение двух веков продолжала волновать общественное мнение Греции. Но в понимании социального значения этого факта и даже в датировке его и связанных с ним событий между учеными остается много существенных разногласий. Это и дает нам основание еще раз обратиться к рассмотрению данного вопроса.

Свидетельства о покушении Килона мы находим у Геродота, Фукидида и Плутарха; кроме того, к ликвидации смуты относятся начальные строки нашего текста «Афинской политики» Аристотеля, как видно из краткого изложения ее Гераклидом («Эпитома», 8). Бегло упоминается о Килоне в схолиях к «Всадникам» (447) Аристофана, у Павсания (I, 28,1; 40,1; VII, 25,3) и др.

Геродот (V, 71), рассказывая о преследованиях рода Алкмеонидов во время смуты после изгнания Писистратидов, вспоминает о покушении Килона, пресеченном главным образом Алкмеонидами. «Среди афинян, — читаем мы, — был некто Килон, победитель на Олимпийских играх. Он возмел гордую мысль сделаться тираном. Подобрал себе содружество сверстников, он сделал попытку захватить Акрополь, но, не будучи в состоянии им завладеть, сел как молящий к статуе (Афины-Полиады. — С. Р.). Пританы навкраров, которые тогда управляли Афинами, предложили им выйти, ручаясь за их жизнь. Но они были убиты, и вина в этом падает на Алкмеонидов. Это случилось еще до времени Писистрата».

Подробнее излагает эту историю Фукидид в связи с рассказом об агитации спартанцев против Перикла как носителя «скверны» Алкмеонидов (I, 126): «Был некто Килон, победитель на Олимпийских играх, афинянин старинного рода, знатный и могущественный. Он был женат на дочери мегарца Феагена, который в то время был тираном в Мегарах. Килону, когда он стал вопрошать оракул в Дельфах, бог изрек занять афинский Акрополь во время величайшего праздника Зевса. И вот он, получив войско от Феагена и подговорив своих друзей, когда наступили Олимпии в Пелопоннесе, захватил Акрополь с тем, чтобы сделаться тираном: он рассудил, что это и есть величайший праздник Зевса и что он имеет некоторое отношение к нему самому, как победителю на Олимпийских играх. Но имелся ли в виду оракулом величайший праздник в Аттике или где-нибудь в другом месте, этого и сам он не выяснил точнее, да и оракул не указывал. (Есть ведь и у афинян Диасии, которые называются величайшим праздником Зевса Милостивого, за городом — празд-

ник, на котором приносят всенародно в большом количестве не животных, а местные чистые жертвы.) Но Килон, воображая, что правильно понимает оракул, приступил к исполнению своего замысла. Однако афиняне, увидев это, собрались всем народом из деревень на помощь против заговорщиков и, расположившись станом, стали их осаждать. Но так как дело затягивалось на долгое время, большинство афинян, утомленных осадой, ушли, а стеречь осажденных поручили девяти архонтам, уполномочив их уладить все дело любыми средствами, какие найдут наилучшими: в то время большинством государственных дел ведали девять архонтов. Осажденным приверженцам Килона приходилось плохо вследствие недостатка продовольствия и воды. Килону и его брату удалось бежать. Остальные же оказались в тяжелом положении, некоторые даже умерли от голода; ввиду этого они сели как молящие к алтарю на Акрополе. Тогда те афиняне, которым было поручено их стеречь, видя, что они умирают в храме¹, предложили им выйти, обещав не причинять им никакого вреда, но лишь только они вышли, как их убили. С некоторыми же расправились, несмотря на то, что они по дороге сели к алтарю Почтенных богинь (Эвменид.— *С. Р.*). С тех пор и самих виновников, и их род стали называть „скверными“ и проклятыми богиней. Изгоняли этих „скверных“ и сами афиняне, изгонял позднее и лакедемонянин Клеомен совместно с поднявшими смуту афинянами, причем, изгоняя живых, вырыли из земли и выбросили также и останки мертвых. Однако со временем изгнанные вернулись, и род их до сих пор (до конца V в.— *С. Р.*) еще живет в государстве).

Некоторые подробности килоновой истории передает Плутарх (*Sol.*, 12), который предваряет ими рассказ о реформах Солона. «Килонова „скверна“, — пишет он, — уже давно вносила смуту в государство — с тех пор, как сторонников Килона, умолявших богиню, архонт Мегакл убедил сойти (с Акрополя.— *С. Р.*), обеспечивая им возможность оправдаться перед судом. Они, привязав к подножью статуи сплетенную нить богинь, как вдруг нитка сама собой оборвалась; тогда Мегакл и архонты, его товарищи, увидав в этом знак того, что богиня отвергает их молебны, бросились к ним, чтобы схватить. При этом вышедших наружу побивали камнями, а те, которые подбежали к алтарям, были там заколоты. Отпущены были только те, которые прибегли к заступничеству женщин. С тех пор этих убийц стали ненавидеть и дали им прозвище „скверных“. Оставшиеся в живых сторонники Килона снова вошли в силу и постоянно вели борьбу против потомков Мегакла. Но в описываемое время (перед законодательством Солона.— *С. Р.*), когда смута достигла наибольшего напряжения и народ разбился на партии (*τοῦ δήμου διαστάτης*), посредником выступил Солон, уже пользовавшийся тогда известностью, и с ним благороднейшие из афинян; просьбами и разъяснениями он убедил этих так называемых „скверных“ взять на себя ответственность и предстать перед судом трехсот судей, избранных из благородных. Мирон из Флии выступал обвинителем, и эти люди были признаны виновными; живые были изгнаны, трупы же умерших были вырыты и выброшены за пределы страны». Далее Плутарх рассказывает о приглашении с Крита Эпименида и о произведенном им очищении государства и умиротворении умов. Об этом суде и об очищении, произведенном Эпименидом, говорится также в начальных строках «Афинской политики» Аристотеля.

При всем различии отдельных подробностей в приведенных текстах бросается в глаза единство в самой сущности: Геродот дает основную канву,

¹ Смерть в храме считалась осквернением его.

Фукидид и Плутарх дополняют и отчасти исправляют его, например, относительно пританов навкраров. Точность и согласие сообщений о суде наводит даже на мысль, что в основе рассказа лежит документальный материал². Поэтому надо решительно отвергнуть попытки некоторых ученых, как К. Ю. Белоха, Г. де Санктиса, О. Зеека и др., изменять хронологию рассказываемых событий. Первые двое³, исходя из факта преследования Алкмеонидов во время смуты перед законодательством Клисфена в 508/507 г., делают вывод, что оно происходило под свежим впечатлением совершенной «скверны», и относят покушение Килона ко времени первого изгнания Писистрата, т. е. приблизительно к 552/551 г. О. Зеек⁴ предполагает, что Фукидид и Плутарх воспользовались документами, которые были использованы против Перикла перед началом Пелопоннесской войны и не были еще известны Геродоту, и что, следовательно, суд над Алкмеонидами не мог происходить ранее 508 г. А. Ледль⁵, опровергая взгляд О. Зеека, старается открыть источник Аристотеля и Плутарха в какой-то брошюре, написанной в защиту Перикла, и одну натажку осложняет новой.

Между тем еще до открытия «Афинской политики» некоторые ученые относили покушение Килона ко времени до Солона: Г. Ф. Шеман, Э. Петерсен и Э. Курциус — приблизительно к 612 г.⁶ С открытием «Афинской политики» Аристотеля дело получило более определенный характер, и лишь немногие продолжают изощрять свое остроумие в гиперкритических измышлениях. Когда Аристотель рассказывает о суде над Алкмеонидами и об очищении города Эпименидом прежде, чем о законодательстве Драконта, он явно забегает вперед, чтобы придать законченность эпизоду с Килоном, и это отнюдь не опровергает той последовательности событий, которая указана Плутархом. Олимпийская победа Килона в «Хрошке» Евсевия (I, p. 198) отнесена к 640 г. Так как покушение Килона происходило в год игр и до законодательства Драконта (421 г.), оно должно приурочиваться к 636, 632, 628 или 624 г.⁷

² H. Bengtson, Griechische Geschichte, Münch., 1960, стр. 117; G. Vossolt, Griechische Geschichte, II, Gotha, 1895, стр. 210; K. J. Veloch, Griechische Geschichte, изд. 2-е, I, 1, В. — Lpz, 1913, стр. 302. Только О. Группе увидел в истории Килоновой «скверны» «переработку старой культовой легенды» — Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, I, Münch., 1906, стр. 37.

³ Veloch, ук. соч., стр. 304; G. de Sanctis, Ἀτθικ. Storia della repubblica Ateniese, Torino, 1912, стр. 274—283; F. Cornelius, Die Tyrannis in Athen, Münch., 1929, стр. 40, 44; А. А. Малинин, К вопросу об Алкмеонидах в первой главе «Афинской политики» Аристотеля в связи с вопросом об Эпимениде Критянине, ЖМНП, 1908, № 12, стр. 495; А. Н. Щукарев (Κυλωνεῖον ἄρος и Ἀθηναίων πολιτεία, «Сб. в честь Ф. Ф. Соколова», СПб., 1895, стр. 55) утверждает, что из «Афинской политики» не видно, что «килоновский грех» произошел прежде законодательства Солона.

⁴ O. Seeck, Quellenstudien zu des Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens, «Klio», IV, 1904, стр. 318—324.

⁵ A. Ledl, Studien zur älteren Athenischen Verfassungsgeschichte, Heidelberg, 1914, стр. 77—104.

⁶ G. F. Schömann, Das Kylonische Attentat, die Naukrarien und die Alkmaioniden, «Neue Jahrbücher für Philologie», CXI, 1875, стр. 456; E. Petersen, Quaestiones de historia gentium Atticarum, diss. Slesvici, 1880, стр. 10, 79; E. Curtius, Griechische Geschichte, изд. 6-е, I, В., 1887, стр. 304—306.

⁷ В. В. Латышев, Очерк греческих древностей, изд. 3-е, I, СПб., 1897, стр. 146; С. И. Ковалев, История античного общества. Греция, Л., 1936, стр. 125; «Древняя Греция», изд. АН СССР, под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистов, М., 1956, стр. 135 сл.; К. М. Колобова и Л. М. Глускина, Очерки истории древней Греции, Л., 1958, стр. 111 сл.; «История древней Греции» под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса, М., 1962, стр. 171; Малинин, ук. соч., стр. 498 сл.; В. П. Бузескул, «Афинская политика» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в., Харьков, 1895, стр. 295 сл.; U. Wilcken, Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte, изд. 8-е, В., 1958, стр. 118, ср. стр. 348; Bengtson, ук. соч., стр. 117; Vossolt, ук. соч., I, Gotha, 1893, стр. 670

Однако нет основания и для того, чтобы вопреки показанию Плутарха относить и суд над «скверными» ко времени до законодательства Драконта, как делают некоторые ⁸. С другой стороны, как объяснить, что в ближайшие перед выступлением Солона годы один из представителей рода Алкмеонидов возглавлял афинское войско в священной войне против Крисы (Кирры), как видно из слов Плутарха (Sol., 11)? Означает ли это недостоверность сообщения Плутарха ⁹, или их возвращение было результатом амнистии, проведенной Солоном (Plut., Sol., 19,4)¹⁰? Однако дальнейшая история показывает, что вообще решение об их изгнании не соблюдалось строго и что вскоре после каждой такой вспышки ожесточения против Алкмеонидов они снова появляются в Афинах, а следовательно, нет основания делать какие-нибудь перестановки в хронологии этих событий. Наоборот, наши источники согласно свидетельствуют, что некоторые из участников изгнания килоновцев лично присутствовали на суде, а это показывает, что со времени преступления прошло не так много лет ¹¹. Ряд исследователей обращал также внимание на то, что Плутарх, называя имя обвинителя Алкмеонидов Мирона, сопровождает его имя обозначением дема — «из Флии» (Sol., 12,4). А так как, рассуждают они, именование граждан по демам введено было Клисфеном, то и суд надо относить ко времени после реформы Клисфена ¹². Но эти ученые упускают из виду, что сама эта реформа опиралась на существование таких поселков-демов и сами названия их в форме «отчества» (патронимики) являются пережитками родового строя — Филаиды, Лакиады, Бутады, Пеониды, Скамбониды и т. п. ¹³. В данном же случае это имело даже особое значение — показать происхождение поименованного лица ¹⁴.

Наши источники, рассказывающие о тиранической попытке Килона и о суде над виновниками расправы, ничего не говорят о дальнейших его замыслах и о характере его тирании. Однако эта попытка естественно включается в целый ряд аналогичных явлений в Греции VII—VI вв., как тирания Мирсила и близкая к ней «эсимнетия» Питтака на Лесбосе, тирании Кипсела и Периандра в Коринфе, Поликрата на Самосе, Клисфена в Сикионе, Феагена в Мегарах, Писистрата в Афинах и т. п., да и удержание власти первого архонта на два года и два месяца Дамасием в Афинах в 582—580 гг. (Arist., Ath. pol., 13,2) мало отличается от тирании. И закон об остракизме, как говорит Аристотель (там же, 22,3),

сл.; J. E. Sandys, Aristotle's Constitution of Athens, изд. 2-е, L., 1912, стр. 2 сл.; G. Glotz, Histoire grecque, I, P., 1948, стр. 418 сл.; Дж. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир, М., 1958, стр. 130.

⁸ U. v. Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen, II, B., 1893, стр. 55; Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, II, 1, Stuttg., 1928, стр. 638 сл.; Busolt, ук. соч., II, стр. 208; К. Нуде, Aristoteles' Staat der Athener, изд. 2-е, Lpz — B., 1916, стр. 6.

⁹ Бузескул, ук. соч., стр. 298; F. Caueer, Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? Stuttg., 1891, стр. 62 сл.; Busolt, ук. соч., II, стр. 209 сл., 404; Beloch, ук. соч., стр. 302 сл.

¹⁰ Wilamowitz-Möllendorff, ук. соч., стр. 17, 24; Busolt, ук. соч., II, стр. 209; B. Niese, Zur Geschichte Solons und seiner Zeit, «Historische Untersuchungen A. Schafer gewidmet», Bonn, 1882, стр. 7.

¹¹ Бузескул, ук. соч., стр. 298; Малинин, ук. соч., стр. 483 сл.

¹² Beloch, ук. соч., стр. 302; Busolt, ук. соч., II, стр. 209, 404; Desanctis, ук. соч., стр. 281; Caueer, ук. соч., стр. 62; Малинин, ук. соч., стр. 499.

¹³ J. Töpffer, Attische Genealogie, B., 1889, стр. 227; A. Milchhofer, Untersuchungen über die Demenordnung des Kleisthenes («Anhang. zu den Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wiss.»), 1892, стр. 19.

¹⁴ Бузескул, ук. соч., стр. 299; U. v. Wilamowitz-Möllendorff, Die lebenslängliche Archonten Athens, «Hermes», XXX, 1898, стр. 122; J. H. Lipsius, Das attische Recht und Rechtsverfahren, I, Lpz, 1905, стр. 23. прим. 74.

был издан именно из-за подозрения к людям, пользующимся влиянием. Плутарх (*De Herod. malign.*, 21, p. 859 D) называет нескольких из них. Характерно, что в числе таких людей в 487/486 г. оказался один из Алкмеонидов — Мегакл, сын Гиппократата. Такие посягательства отражают экономические и социальные условия определенной эпохи.

Уже Ксенофонт проводил различие между монархией, как властью, действующей на основании законов, и тиранией, действующей путем насилия и беззакония (*Mem.*, IV, 6,2). Фукидид (I, 13,1—2) связывает появление тираний с экономическим развитием страны. Отличительной чертой всех тиранов он считает их предпочтительную заботу о себе и собственном доме (I, 17). Платон типичную черту тирании видит в нарушении законности (*Polit.*, 39, p. 301 BC), сравнивает тирана с волком среди стада овец (*Resp.*, VIII, 16) и считает такую власть порождением крайней демократии (там же, IX, 1—5). Для нас особенный интерес представляет определение Аристотеля. «Тирания, — говорит он, — есть извращение царской власти... Тирания есть такая монархия, которая имеет в виду лишь интересы единодержавного правителя» (*Polit.*, III, 5, 4). Являясь соединением крайностей олигархии и демократии, она оказывается вредной для подчиненных (V, 8,1). Характеризуя возникновение тирании, Аристотель продолжает: «Чуть ли не большинство тиранов вышло, можно сказать, из демагогов, снискавших доверие тем, что порочили знатных» (V, 8, 3, ср. V, 4, 4). А порукой за них в глазах простого народа, говорит он в другом месте, была ненависть к богатым (V, 4, 4). Важным преимуществом для захвата тирании может быть обладание военной властью и талант полководца, а также надежное войско (V, 4, 4; 8, 3—4). Из этих замечаний Аристотеля выявляются три основных типа тирании: 1) тиран, вышедший из демагогов и таким образом опирающийся на поддержку низших кругов населения; 2) тиран, опирающийся на богатых и знатных, и 3) тиран, располагающий военной силой. В истории греческой тирании с этой точки зрения различается два периода — ранний (с VIII по V в.), в котором действуют два первых типа, и второй — время военной деспотии. Период 461—405 гг. отмечен отсутствием тирании¹⁵.

О том, к какому из первых двух видов тирании надо отнести попытку Килона, мнения ученых разделяются. Одни считают его народным заступником, который потерпел неудачу только потому, что не нашел в народе достаточной поддержки¹⁶. Другие, наоборот, видят в нем человека, опирающегося на знать¹⁷. Третьи смотрят на него как на вождя одной группы

¹⁵ Th. L e n s c h a u, *Tyrannis*, RE, 2. Reihe, 14. Hb., стб. 1821—1842; H. J. D i e s n e r, *Griechische Tyrannis und griechische Tyrannen*, В., 1960, стр. 5—11; C o r n e l i u s, ук. соч., стр. 22—27; В u s o l t, ук. соч., II, стр. 204 сл.; он же, *Griechische Staatskunde*, I, Münch., 1920, стр. 385—388; H. S w o b o d a, *Zur Beurteilung der griechischen Tyrannis*, «Klio», XII, 1912, стр. 341 сл.

¹⁶ «Всемирная история», изд. АН СССР, I, М., 1955, стр. 672; «История древней Греции» под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса, стр. 171; C u r t i u s, ук. соч., стр. 304; G. G i l b e r t, *Handbuch der griechischen Staatsaltertümer*, изд. 2-е, I, Lpz., 1893, стр. 130; V. T h u m s e r, *Staats Altertümer*, в кн. K. F. H e r m a n n, *Lehrbuch der griechischen Antiquitäten*, I, 2, Freiburg, 1892, стр. 345; W. V i s c h e r, *Ueber die Stellung des Geschlechts der Alkmaioniden*, «Kleine Schriften», I, Basel, 1877, стр. 392 сл.; B e l o s c h, ук. соч., стр. 369; B e n g t s o n, ук. соч., стр. 117.

¹⁷ H. L a n d w e h r, *Forschungen zur älteren attischen Geschichte*, «Philologus», V. Supplb., 1889, стр. 147; H. F r a n c o t t e, *La polis grecque*, Paderborn, 1907, стр. 39; W. I l b r a n d, *Die politische und soziale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon*, «Philologus», VII. Supplb., 1899, стр. 176 сл.; G l o t z, ук. соч., стр. 418 сл.; Б у з е с к у л, ук. соч., стр. 300 сл.; он же, *История афинской демократии*, СПб., 1909, стр. 38 сл.; Р. Ю. В и н е р, *История Греции*, М., 1915, стр. 137; К о л о б о в а и Г л у с к и н а, ук. соч., стр. 112; J. H a s e b r ö c k, *Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit*, Tübingen, 1931, стр. 192.

аристократов, спорящих из-за власти с другой подобной же группой¹⁸, или, наконец, просто представителя олигархической реакции. Г. Бузольт характеризует его отрицательно, не как демагога¹⁹. Эд. Мейер вообще не определил своего взгляда на этот вопрос. Такая же неопределенность заметна и у С. Я. Лурье²⁰. В. Эренберг видит в килоновом деле проявление соперничества двух руководящих знатных родов²¹. Вот эта разноречивость взглядов позволяет нам еще раз пересмотреть этот вопрос.

Мы полагаем, что наши источники не дают основания видеть в Килоне защитника интересов трудящегося люда — земледельцев и ремесленников, на которых опирался, например, Писистрат. Геродот, характеризуя аристократическую гордость Килона, употребляет типичное выражение ἐξόμῆσεν «носил длинные волосы», подобно гомеровским героям или спартиатам, сохранявшим древние отеческие обычаи. Для осуществления своего замысла он, по словам Геродота (V, 71), собрал вокруг себя «содружество сверстников» (ἐταίρητιν τῶν ἡλικιωτέων) или, как мы читаем у Фукидида (I, 126), «подговорив друзей» и с помощью отряда, присланного его тестем, мегарским тираном Феагеном, захватил Акрополь. В числе его «друзей» был и его брат. Вполне естественно предположить, что эти люди постарались увлечь за собой и зависимых от них людей вроде слуг и «пелатов», клиентов. В этом окружении не видно ничего похожего на простой народ. А могли Килон рассчитывать на поддержку городского населения, как думают некоторые исследователи²²? В городе по преимуществу сосредоточивались богатые и знатные люди, а ремесло было еще слабо развито, хозяйство же велось примитивными способами²³. Земледельческое население жило главным образом по деревням (Thuc., II, 14—16; Arist., Polit., V, 4, 5) и находилось в тяжелой экономической зависимости от знатных и богачей (Arist., Ath. pol., 2), главная же масса бедняков и недовольных сосредоточивалась в горной области — Диакрии (Hdt., I, 59; Arist., Ath. pol., 13, 4—5; Plut., Sol., 13, 2). Это были по преимуществу батраки — феты (Plut., Sol., 29, 1). Правда, в городе постепенно стала образовываться группа «демиургов», т. е. ремесленников в широком смысле слова. Это стало видно несколько позже, когда они в смутные годы после законодательства Солона в правительстве десяти архонтов 580/579 г. выставляли из своей среды двух лиц (Arist., Ath. pol., 13, 2)²⁴. Таким образом, если Килон рассчитывал на поддержку городского населения, это отнюдь не была масса простого народа. Недаром понятие горожан (ἄστικοί) в значительной степени отождествлялось с понятием эвпатридов (Etymolog. Magn., s. v. Εὐπατρίδων²⁵). Ход дальнейших событий как раз и подтвердил это, так как аттическое крестьянство стало на защиту законной власти, сбежавшись в город из деревень со своих насиженных мест (Thuc., II, 14, 2), где они были заняты своими обычными делами (Arist., Polit., V, 4, 5).

Фукидид в своем рассказе подчеркнул, что Килон для выполнения своего замысла избрал не афинский праздник Диасии, на который собира-

¹⁸ В и п е р, ук. соч., стр. 137; W i l c k e n, ук. соч., стр. 118; С а u e r, ук. соч., стр. 62.

¹⁹ B u s o l t, Gr. Staatskunde, стр. 385—388.

²⁰ С. Я. Л у р ь е, История Греции, ч. I, М., 1940, стр. 134 сл.

²¹ V. E h r e n b e r g, Neugründer des Staates. Ein Beitrag zur Geschichte Spartas und Athens im VI. Jahrhundert, Münch., 1925, стр. 78.

²² B u s o l t, Gr. Gesch., II, стр. 205; С а u e r, ук. соч., стр. 62.

²³ М е у е р, ук. соч., стр. 641; Т h u m s e r, ук. соч., стр. 353; B u s o l t, Gr. Gesch., II, стр. 39.

²⁴ С а u e r, ук. соч., стр. 75.

²⁵ B u s o l t, Gr. Gesch., I, стр. 507, прим. 2; II, стр. 94.

ется много народа, а время Олимпийских игр. Эта подробность имеет немаловажное значение. Диасии справлялись близ города в храме на берегу Иллиса 23 анфестериона, т. е. в начале марта²⁶. Олимпийский праздник приурочивался к полнолунию аттического месяца метагитниона, время его менялось в зависимости от того, был ли год високосным или невисокосным, и в общем праздник приходился на август или сентябрь²⁷. В год сражения при Фермопилах, по словам Геродота (VIII, 12), Олимпии приходились на середину лета, а в 428 г. Фукидид (III, 15,2) определяет их время, как пору уборки урожая. Ячмень — основной хлебный злак в Аттике — убирался в конце мая, а в первых числах июня начиналась жатва пшеницы. С восходом Ориона, т. е. в конце июля, начинали ее молотить. Работы эти заканчивались обычно в начале августа, но нередко затягивались и до более позднего времени. В конце июня снимали ранние смоквы, а лучшие сорта поспедали в августе; в конце сентября заканчивался сбор винограда, а сбор маслин, составлявших главное богатство Аттики, начинался в ноябре²⁸. Из этого видно, что попытка Килона относится как раз к поре наибольшей занятости аттических крестьян, и на их помощь он никак не мог рассчитывать, скорее наоборот, он хотел воспользоваться этой занятостью для того, чтобы провести свой замысел в их отсутствие. Но эти люди все-таки собрались и добились того, что мятежники были осаждены на Акрополе; затем, видя, что осада затягивается, они разошлись, предоставив причину ухода архонтам с Алкмеонидом Мегаклом во главе. Понятна причина ухода «большинства» (*οἱ πολλοί*) — горячая пора сельскохозяйственных работ; очевидно и то, кто составлял это «большинство». Ясно видно также, что эта часть не была глубоко заинтересована делом, зато остальные проявили исключительное рвение, побудившее их не остановиться даже перед явным кощунством.

Активное участие Алкмеонидов в деле Килона требует специального рассмотрения их роли в афинской истории. Несомненно, что мы имеем дело с одним из крупнейших родов Аттики²⁹. Он претендовал на происхождение от гомеровского Нестора (Paus., II, 18, 8—9) и таким образом утверждал право Афин считаться метрополией ионийских городов Малой Азии³⁰. Геродот же считал их коренными афинянами — «автохтонными» (V, 62; VI, 125). Как типичного представителя старинной аристократии Аристофан называет какого-то Мегакла (Nubes, 46; 70; 815). Изгнанные за кощунство, совершенное при ликвидации килонова покушения, они вскоре же вернулись в Афины — в силу ли закона об амнистии (Plut., Sol., 19,4)³¹ или вследствие своего большого влияния. Второй Мегакл устроил возвращение Писистрата, выдав за него свою дочь (Arist., Ath. pol., 14,4; Hdt., I, 60). Он сделался главой «береговых» — паралийцев (Arist., Ath., pol., 13,4; Plut., Sol., 29,1), но вскоре порвал отношения с Писистратом. Когда же Писистрат в третий раз вернул себе власть, Алкмеонидам пришлось снова покинуть Афины, и они стали за рубежом вести агитацию против Писистрата и его сыновей. За это время

²⁶ L. Deubner, Attische Feste, В., 1956, стр. 155; P. Stengel, Griechische Kultusaltertümer, Münch., 1920, стр. 240; G. F. Schömann, J. F. Lipsius, Griechische Altertümer, II, В., 1902, стр. 527; Veloch, ук. соч., стр. 139 слл.

²⁷ Schömann, Lipsius, ук. соч., стр. 58; Stengel, ук. соч., стр. 94, 96, 99,

²⁸ Б. Л. Богоевский, Очерк земледелия Афин, Пр., 1915, стр. 94, 96, 99, 104, 111, 119 сл.

²⁹ J. Töpffer, Alkmaionidai, RE, I, 1894, стб. 1556—1562; он же, Att. Gen., стр. 225 слл.; Petersen, ук. соч., стр. 77—93; Vischer, ук. соч., стр. 382 слл.; Busolt, Gr. Gesch., II, стр. 306.

³⁰ Töpffer, Att. Gen., стр. 238 сл.

³¹ Ledl, ук. соч., стр. 102—104.

они сумели собрать большие богатства и оказывать давление на дельфийских жрецов (Hdt., V, 63; Arist., Ath. pol., 19,4). Такие действия их дали основание Аристотелю утверждать, что освобождением от тирании афиняне более всего обязаны Алкмеонидам (Hdt., VI, 123; Arist., Ath. pol., 20,4). Нетрудно догадаться, что в числе 700 семейств, которых стал изгонять спартанский царь Клеомен совместно с партией Исагора в 509 г. под видом изгнания «скверны», большая часть (если не все) принадлежали к роду Алкмеонидов. Двое из членов этого рода подверглись остракизму (Lys., XIV, 39; [And.], IV, 34); об остракизме одного из них свидетельствует найденный на Акрополе черепок, относящийся к 486 г.: «Мегакл, сын Гиппократа, из Алопеки» (Ditt., Syll., I³, 26). Победы на различных состязаниях увековечили имена некоторых членов рода Алкмеонидов. Пиндар (Pyth., VII, 14—16) говорит о пяти победах на Истмийских играх, одной в Олимпии и двух на Пифийских играх. А первым из афинян одержал победу в Олимпии Алкмеон (Hdt., VI, 125; Isocr., XVI, 25)³². Эти факты побед на состязаниях свидетельствуют об общественной роли Алкмеонидов, так как победители становились предметом восхищения и даже зависти современников и приносили славу родному городу (Isocr., XVI, 32).

Сказанное о роли победителей должно быть полностью отнесено и к Килону. Павсаний говорит, что видел его бронзовую статую на Акрополе (I, 28,1). Он полагает, что этим памятником отмечена победа Килона в Олимпии на состязании в «двойном беге» — *διὰυλος* (ср. Euseb., Chron., I, 198: *recursus*). Он говорит также о «красоте» этой фигуры. Некоторые ученые стараются объяснить постановку этой статуи религиозным мотивом, актом религиозного очищения³³. Однако произведения искусства VI и даже начала V в. несут еще черты архаики и вряд ли поразили бы зрителя красотой³⁴. Вернее всего, что Павсаний видел статую более поздней поры. Но это свидетельствует о живучести памяти о данном событии, что дает основание предположить, что памятник был поставлен какими-нибудь позднейшими почитателями или родичами Килона. А с тем, с каким почтением относились в Греции к победителям на играх, имеются многочисленные свидетельства (Diod., IV, 14,2; 53,5—6; Cic., Pro Flac., 31)³⁵. О личности Килона Фукидид сообщает, что он происходил из старинного рода, был знатным и могущественным. Это и дало ему возможность собрать «содружество сверстников», а слава «олимпионика» придала авторитет его замыслу.

Наши источники — Аристотель и Плутарх — согласно говорят, что обвинителем против Алкмеонидов выступил Мирон, а Плутарх уточняет: «из Флии». Некоторые исследователи пытались из этого сделать вывод, будто процесс против Алкмеонидов надо относить ко времени после реформ Клисфена. Неосновательность этого взгляда была уже показана выше. Нам остается еще прибавить, что местечко Флия принадлежало к филе Кекропиде и относилось к району «месогей»³⁶, где сосредоточивались поселения родовой землевладельческой аристократии. Тут находилось родовое святилище рода Ликомидов (Plut., Them., 1). Таким обра-

³² А. И. Покровский, О хронологии афинской истории VI в., Киев, 1915, стр. 110.

³³ Busolt, Gr. Gesch., II, стр. 207; Seesck, ук. соч., стр. 323 сл.; Ledl, ук. соч., стр. 79.

³⁴ Ledl, ук. соч., стр. 323 сл.; A. Springer, Die Kunst des Altertums, изд. 12-е, bearb. v. P. Wolters, I, Lpz, 1923, стр. 246.

³⁵ Schömann, Lipsius, ук. соч., стр. 67—69; Meyer, ук. соч., стр. 305; E. Böttcher, Olympia, изд. 2-е, В., 1886, стр. 136 слл.

³⁶ R. Löper, Trittlen und Demen Attikas, MDAL. Ath. Abt., XVII, 1892, стр. 414.

зом, сама собой напрашивается мысль, что к этому роду принадлежал обвинитель Алкмеонидов Мирон³⁷.

Настойчивость, с которой в течение почти двухсот лет от преддраконтовой поры до начала Пелопоннесской войны продолжались преследования рода Алкмеонидов, выходит за рамки личной вражды и носит характер родовой мести (ср. Dem., XLVII, 70—72)³⁸. Возникает мысль о вражде двух больших и сильных родов. Эта мысль подкрепляется еще некоторыми топографическими соображениями.

Где находились поселения Алкмеонидов? Виламовиц-Меллендорф, а за ним и другие³⁹, исходит из того соображения, что во время борьбы с Писистратидами, как видно из сохранившегося «скопия» (24 по изд. Диля), опорной базой их действий была крепостца Липсидрий в горах Парнефа к северу от Афин, где они потерпели жестокое поражение; отсюда он заключал, что это местечко и было их главным центром. Однако такое соображение нельзя признать убедительным: ведь это место могло быть ими занято лишь из стратегических соображений и могло принадлежать какому-нибудь другому роду — тем более, что рядом находилось поселение рода Пеонидов, давшее название дему филы Леонтиды⁴⁰. С другой стороны, если действительно тут было средоточие Алкмеонидов, как могли они в эпоху Писистрата оказаться во главе «береговых» — паралийцев, находясь в значительном удалении от этого района? Между тем у нас есть более определенные сведения. Так острак, относящийся к изгнанию Мегакла, сына Гиппократа, от 486 г., называет его уроженцем дема Алопеки (Arist., Ath. pol., 22,5). Его одноименный внук несколько раз упоминается в надписях как секретарь казначеев богини в 428/427 г. с тем же демотиком⁴¹. Известно также, что Алкмеонид Леобот, выступавший обвинителем против Фемистокла, родом был из дема Агрилы (Plut., Them., 23,1) филы Эрехфеиды. Алопека расположена на расстоянии 11 стадиев (1953,6 м) к северо-востоку от города, а Агрила еще ближе с юго-востока, да и сами они недалеко отстоят одна от другой (как можно видеть по карте, приложенной к труду А. Мильхгефера). Обе принадлежат к пригородному району, хотя отнесены к разным филлам — Алопека к Антиохиде, Агрила к Эрехфеиде⁴². Такое распределение может служить наглядным показателем системы Клизфена: большой и могущественный род разбивался на разные филы. Вместе с тем в этом мы находим объяснение, почему Алкмеониды сразу же могли мобилизовать свои силы для борьбы с мятежниками: их поселения были близко от города. На помощь им пришли с полей и крестьяне, может быть, даже из более отдаленных мест, но, так как дело происходило в горячую пору сельских работ, они не могли долго задерживаться при затянувшейся осаде и разошлись, предоставив ее окончание властям и людям, наиболее заинтересованным; видимо, это и были Алкмеониды.

Если верно наше предположение, что обвинитель Алкмеонидов Мирон принадлежал к тому же роду (Ликомидов?), что и Килон, картина еще более прояснится: его родина Флия расположена почти рядом с Алопе-

³⁷ B u s o l t, Gr. Gesch., II, стр. 210, 404; T ö p f f e r, Att. Gen., стр. 223 слл.

³⁸ В. А. Шеффер, Афинское гражданство и народное собрание, М., 1891, стр. 92; L i p s i u s, ук. соч., стр. 243, 600.

³⁹ U. v. W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f f, Aus Kydathen, «Philologische Untersuchungen», hrsg. von A. Kiessling und U. Wilamowitz, I, B., 1880, стр. 118 сл.; он же, Aristoteles und Athen, стр. 75; B u s o l t, Gr. Gesch., II, стр. 306, прим. 4; T ö p f f e r, Att. Gen., стр. 227; он же, Alkmaionidai.

⁴⁰ T ö p f f e r, Att. Gen., стр. 227; M i l c h h ö f e r, ук. соч., стр. 19.

⁴¹ IG, I, № 122, 3; 123, 2; 149, 2; 150, 3; T ö p f f e r, Att. Gen., стр. 244.

⁴² L ö r e r, ук. соч., стр. 341, 422; V. A. S c h ö f f e r, Demoi, RE, V, 1905, стб. 1 слл.

кой, одним из главных центров поселений Алкмеонидов. Легко можно себе представить, что при столь близком соседстве двух могущественных родов между ними нередко бывали поводы для споров и столкновений из-за полей, выгонов для скота, колодцев и т. д. А более всего надо предполагать соперничество из-за власти. Недаром Аристотель (*Ath. pol.*, 13,2) упоминает, что из-за должности первого архонта шли постоянные споры. Жестокая расправа, учиненная Алкмеонидами над приверженцами Килона, и упорное преследование Алкмеонидов за «скверну» именно килоновцами, хотя преступление касалось интересов всего государства и давало основание любому гражданину выступать с обвинением,— все это заставляет думать о каких-то личных мотивах, о соперничестве двух сильных родов, стремящихся к власти.

Такое соперничество является типичной чертой рассматриваемой эпохи. Во время выступления Килона должность первого архонта занимал Алкмеонид Мегакл. Позднее, в 582 г., Дамасий пытался удержать эту власть в течение более двух лет (*Arist.*, *Ath. pol.*, 13,2) и уступил только силе: это была тоже тираническая попытка, но в его распоряжении не было военной силы. Другой Мегакл легко договаривается и оказывает поддержку Писистрату (*Arist.*, *Ath. pol.*, 14,4), может быть, в надежде путем брака доставить будущим детям отцовскую власть⁴³. Но особенно бросается в глаза легкость, с которой меняется положение Алкмеонидов. Осужденные на вечное изгнание, они вскоре же возвращаются на родину и сохраняют свою общественную роль. Видно, что обвинение их в религиозном преступлении является простым политическим предлогом. Геродот (VI, 125) рассказывает, как Алкмеониды во время своего изгнания в пору третьей тирании Писистрата накопили большие богатства. При всей фантастичности некоторых подробностей этот рассказ дает наглядный пример того, как родовая аристократия, увлекаемая экономическим развитием страны, постепенно отступала от старых традиций земледельческой аристократии и частично переходила к занятию торговлей и морскими промыслами. А поскольку их торговые интересы были связаны с примирительной политикой, это, может быть, и навлекло на них обвинение в предательстве — в какой-то сигнализации персам после Марафонской битвы при их попытке обойти Афины с моря (*Hdt.*, VI, 115).

Выше уже упоминалось, что один из Алкмеонидов, Леобот, при поддержке спартанцев выступал обвинителем против Фемистокла (*Plut.*, *Them.*, 23,4, ср. *De exil.*, 15, p. 605 E; *Thuc.*, I, 135), который принадлежал к роду Ликомидов (*Plut.*, *Them.*, 1)⁴⁴. Если верно наше предположение, что к роду Ликомидов принадлежал и Килон, выступление Леобота становится похожим на родовую месть.

Ранняя история Атики, а вероятно, и других областей Греции, когда демократические силы еще не успели организовать, показывает, что они готовы были поддерживать представителей знатных родов, если была надежда получить от них облегчение. Это ясно видно на примере Писистрата, принадлежавшего к роду Филаидов (*Arist.*, *Ath. pol.*, 13,4—5; *Plut.*, *Sol.*, 10,3). Помочь угнетенным людям взялся Солон из рода Кодридов (*Arist.*, *Ath. pol.*, 5,3; *Plut.*, *Sol.*, 1,1). Но, занимая среднюю позицию между богатыми и бедными, он не угодил ни тем, ни другим (*Arist.*, *Ath. pol.*, 11,2). Характерно, что знаменитый победитель при Марафоне Мильтиад был тираном в Херсонесе Фракийском, куда вынужден был уйти его отец Кимон; этот последний, вернувшись в Афины, был убит

⁴³ Schömann, ук. соч., стр. 467, прим. 2.

⁴⁴ Töpffer, *Att. Gen.*, стр. 244.

Писистратидами (Hdt., IV, 137; VI, 103). Только после их изгнания Мильтиад вернулся в Афины.

Такие параллели дают основание думать, что подобными целями задавался и Исагор, который в 508 г., опираясь на помощь спартанцев, добился изгнания 700 семейств под предлогом «скверны» (Hdt., V, 72; Arist., Ath. pol., 20, 2—3). Некоторые пытались подвергнуть сомнению эту цифру⁴⁵. Но согласные показания Геродота и Аристотеля отклоняют такое подозрение. И неслучайно Аристотель называет Исагора «другом тиранов» (Ath. pol., 20,1).

Если теперь, после рассмотрения имеющегося у нас материала, литературного и эпиграфического, о тиранической попытке Килона и связанных с ней вопросов, попытаться подвести некоторые итоги проделанной работы, нас может поразить удивительная картина родовой сплоченности, характерной для рассматриваемой эпохи. Как писал Ф. Энгельс, «...моральное влияние, унаследованные взгляды и образ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях, которые отмирали только постепенно»⁴⁶. Пока отдельный род всецело проникнут идеей самосохранения и эгоистическим чувством соблюдения лишь собственных интересов, ему чужды интересы государственности, между ним и государством существуют противоречия и антагонизм; каждый род стремится подчинить себе своих соперников, и в борьбе этой страдающей стороной оказывались простые люди. Хотя афинские законы старались родовое и семейное право подчинить общегосударственному, пережитки старинных воззрений продолжали держаться до поздних времен. «Политическая история Греции, — как отмечал еще Г. Глоц, — в течение долгих веков есть история отношений между государством и внутренними группами, из которых оно состоит»⁴⁷.

Некоторого рода статистические данные — насколько можно в эту пору говорить о статистике — дают любопытную картину. Знаменитый в истории Элевсинских мистерий род Эвмолпидов после реформы Клисфена имел свои семьи по крайней мере в 10 демах, род Кериков — в 19, а род Аминандридов — в 26; но если учесть неполноту наших сведений, есть основание предполагать расселение Аминандридов приблизительно в 40 демах⁴⁸. В афинской истории то и дело мелькают имена Филаидов, Ликомидов, Бутадов и Этеобутадов, Бузигов и др. Тепффер в своей обстоятельной книге «Attische Genealogie» (стр. 227) перечисляет 58 родов и 29 демов, получивших название от проживавших в них родов, — итого 87 родов. Все они имеют свои родовые претензии, теснят и при случае изгоняют друг друга, вступают в брачные связи между собой. Старший Мегакл женится на Агаристе, дочери Сикионского тирана Клисфена, а свою дочь выдает за Писистрата из рода Филаидов (Plut., Sol., 10,3). Отец Перикла Ксантипп из Холарга, дема филы Акамантиды, соседнего с Алопеккой, женат на племяннице законодателя Клисфена (Hdt., V, 134; Plut., Per., 3), Килон, как мы видели, был зятем мегарского тирана Феагена. Но также и Гармодий, один из «тираноубийц», принадлежал к знатному роду Гефирейцев из Афидны, дема филы Эантиды (Hdt., V, 55 и 57; Plut., Quaest. conviv., I, 3, p. 628 D). О знатности его рода говорит то, что его сестра рассчитывала исполнять обязанности канефоры

⁴⁵ Petersen, ук. соч., стр. 89.

⁴⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства.

К. Маркс — Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 118.

⁴⁷ G. Glotz, La solidarite de la famille dans le droit criminel en Grèce, P., 1904, стр. 10 сл., ср. стр. 17, 225, 238 сл., 605 и др.

⁴⁸ Schöffner, ук. соч., стб. 6—8.

на празднике Великих Панафиней, — честь, которой удостоивались только девушки знатнейших фамилий (Нагросс., с. v. *κωνηφόροι*).

После изгнания Писистратидов род Алкмеонидов представлял уже настолько крупную величину, что, когда Исагор получил, благодаря помощи спартанцев, перевес в борьбе с Алкмеонидами, ему приходилось требовать изгнания 700 семейств как «скверных» (Hdt., V, 72—73; Arist., Ath. pol., 20,3). Исагор, которого Аристотель называет «другом тиранов» (Ath. pol., 20,1), тоже происходил из какого-то знатного рода, хотя Геродот не мог точнее его назвать (V, 66). Клеомен помог ему передать управление тремстам его приверженцам. Однако против них поднялся народ и вернул изгнанных. Напрасно некоторые ученые хотели отождествить этот совет с судебной комиссией из знатных и богатых, которая была назначена для суда над нечестивцами.

Эти цифры — 700 семейств «скверных», т. е. Алкмеонидов, изгнанных Исагором в 509 г., и 300 семейств его приверженцев — в общем составляют целую тысячу семейств и естественно приковывают к себе наше внимание. Ведь даже позднее, в конце V в., в пору расцвета афинской демократии, Ксенофонт (Mem., III, 6, 14) исчисляет общий состав афинского населения в количестве несколько более 10 тыс. семейств. Современные исследователи определяют количество населения в V в. приблизительно от 120 до 170 тыс., а число граждан с членами их семей от 80 до 90 тыс.⁴⁹ Для раннего периода исходят из расчета Аристотеля (Ath. pol., fr. 5): 4 филы по 3 фратрии, из которых в каждой по 30 родов, а в роде по 30 мужчин — итого 10 800 мужчин и приблизительно столько же семейств⁵⁰. Эта цифра почти сходится с показаниями Ксенофонта. При всей относительности этих расчетов мы приводим их для того, чтобы нагляднее показать, какое место среди них занимает вышеустановленная минимальная цифра знатных родов, участвовавших в политической борьбе в период от конца VII до середины V в., когда между родами то и дело происходили столкновения и борьба за власть, причем интересы государства приносились в жертву честолюбию родов⁵¹. Аристотель считал, что влияние таких родовых тенденций окончилось только с Периклом (Ath. pol., 28,1).

Вся история тиранической попытки Килона, ликвидация ее последствий и позднейшие отклики дают красочную картину упорной внутренней борьбы за утверждение начал государственности против своеволия сильных родов или отдельных их представителей. Наше рассмотрение, кажется, достаточно убеждает в том, что у Килона не было никакой связи с демократическими кругами, на которые потом сумел опереться Писистрат; наоборот, это была попытка установления власти одного рода, но она наткнулась на сопротивление сильных соперников из тех же кругов.

⁴⁹ V. Ehrenberg, Der Staat der Griechen, I, Lpz., 1957, стр. 24.

⁵⁰ Francotte, ук. соч., стр. 14; Шеффер, ук. соч., стр. 190.

⁵¹ Busolt, Gr. Gesch., II, стр. 204; ср. I, стр. 655, прим. 4.